

время перерешаться. Необходимо зафиксировать это важное изменение.

Но вот другой вопрос, что вкладываясь в эту историческую тенденцию, можно бояться за ее исход, за то, что затраченные усилия приведут к противоположным результатам. Но этого меньше всего нужно бояться.

Сегодняшняя Россия — это народное крестьянское царство. Иной России в сколько нибудь значительных размерах, просто в природе не существует. История же всегда в своем движении из нескольких возможностей избирает ту, в которой проходит линия наибольшей равнодействующей. Но тут и выбор невозможен. Другие классы или дезорганизованы, как пролетариат (да и всего то его 3-4 процента) или уничтожены экономически, и просто физически. Остается ей (истории) волей-неволей идти по крестьянскому проселку. Следовательно, нам достаточно двигать истор. процесс, создавать события, — насчет же направления его мы застрахованы самим объективным положением вещей.

С — н.

Как освободится Россия

Для новой культуры, новых высших форм жизни нужны и новые люди, новый человеческий материал. Если первое в критические переходные эпохи, подобные нашей, является объективной необходимостью, то второе представляет субъективную возможность ее осуществления. Этот новый человеческий материал может быть представлен лишь новым народом, но не в лице тех его незначительных слоев города (в нашем случае — буржуазии и пролетариата), которые сами являются представителями старой культуры, а в лице обычно подавляющего его большинства — крестьянства. Ибо лишь в составе последнего новый народ является действительно новым.

Наш, в частности, русский город представляет собою лишь продолжение, провинцию, отпочкование Западно-Европейской капиталистической цивилизации и как таковой, он может явиться естественным основанием для преемственности сменяющихся культур, но не духовным резервуаром творчества новой высшей культуры. — Всегда, когда кончался один всемирно-исторический цикл существования, история для дальнейшего развития призывала новых людей от земли, «варваров» — юную, целинную, органически мощную стихию, свободную от того разложения и опустошенности старой культуры, воплощением которой является Человек Города. Будучи продуктом упадочного и выродившегося мира, этот последний не может явиться творцом нового мира. Продукт разложения, он не может стать силой преодоления его. Чтобы действительно мог выкристаллизоваться тип нового высшего человека, нужно чтоб был дан и новый, историей неиспользованный, человеческий материал. И этих новых «варваров» теперь не нужно уже и призывать: они вышли уже там в России,

на историческую арену — остается задача их организовать и зарядить новой творческой идеологией.

По этому поводу обычно говорят, что общественно-политическое выдвижение крестьянства означало бы общее спливание культуры. Но мы не думаем, что господствующий в современной цивилизации лавочник выше крестьянина. Наоборот, мы думаем, что он ниже его. В душе последнего хоть есть живая первоизданная искра трансцендентного огня, тогда как в душе первого вместо этого — культивированное свиное сало. А куда зашел и еще — куда приведет мир, этот духовно-моральный выродок, настолько «культурный», чтобы все отрицать, кроме «реальных» побуждений своего желудка!? И не превратил ли он мир в конюшню, в базар, в ярмарку!? Во всяком случае крестьянство, как класс, культурно не ниже рабочих, к значительной и даже руководящей роли которых в Европе уже привыкли.

Ко всему этому надо иметь в виду следующее: Крестьянство для нас является тем, чем для коммунистов, социал-демократов и национал-социалистов (последние, как известно, официально именуется «Немецкая национал-социалистическая рабочая партия») является рабочий класс — социально-строительным материалом, движущей исторической силой. Для создания подлинного **Народного Движения**, а в этом наша верховная организационная цель, надо суметь энтузиазм идей зарядить движущей силой интереса и идейному голосу создать материальный резонанс. Не будем заблуждаться насчет того, что массы охотно идеи едят лишь с хлебом. Так было со всеми известными в истории движениями, выросшими на том, что идейный энтузиазм совпадал с какими-нибудь новыми жизненными интересами.

Такова предварительная идеологическая постановка вопроса. Но нас здесь будет главным образом интересовать его политическая постановка, ибо в условиях нашего текущего, специфически русского положения, крестьянство выступает реняющей фигурой во всей вообще завязавшейся сложной исторической игре.

Поставим и мы вопрос: **Кто** сменит большевиков?.. В этом вопросе определенным образом содержится и вопрос, **как** эта смена произойдет? Ответить же на него возможно, лишь уловив общую линию динамики революции. Для этого тут же надо отвести тот распространенный предрассудок, что, якобы, всякая революция необходимо заканчивается реакцией. Этот «исторический закон» основан всего лишь на одном и то неудачном факте Великой Французской Революции. Неудачном потому, что реакция тогда последовала не в силу имманентной логики революционного процесса, а в силу внешней и, следовательно, случайной приостановки его интервенцией. При этом забывают, что вслед за первой революцией 1789 г. последовала вторая — 1830 г., третья — 1848 г., наконец, четвертая — в семидесятых годах. Кроме того, не успела еще закончиться буржуазная политическая революция, а уже наметилась новая пролетарская социальная революция. Аналогичным образом у нас февраль окончился не реакцией, а новым октябрьским переворотом, дальнейшим «углублением» революции.

Точно также и теперь, преодоление большевистской стадии революции возможно не подавлением революционных стихий, а переключением их в стадию новой заключительной **конструктивной революции**, в творчестве которой и **найдут себе окончательный исход** гигантские революционные энергии. Революция на самом деле порождает не реакцию, а могучую инерцию движения, и для преодоле-

ния большевизма надо использовать этот страшный разбег исторической динамики, гигантскую лавину революционных стихий. Надо перешагнуть его (большевизм), оставить позади, как пройденный этап истории, как стадию **негативной** революции. Пытаться вместо этого остановить процесс, подавить его — бесполезная и исторически преступная задача.

Как в природе в различное время в определенных местах скопляются те или иные грозовые, электрические и магнетические энергии, так и в истории в известное время, в определенных местах на территории тех или иных народов образуются как бы особые гигантские сгущения исторических стихий, как бы крайне напряженные магнетические поля истории.

Таковы сгущения исторических энергий в древнем мире на территории греческих островов и полуостровов; потом на полуострове величественного Рима, еще раньше — в устьях Тигра и Ефрата, в долине Нила и т. д. Вот точно такое же, как бы магнетическое поле крайне напряженных сгущений исторических стихий представляет в современном мире Россия. Это, пожалуй, главное, что может давать нам основания говорить о том, что сюда переместились основные магистрали современной мировой истории. Так вот, не безнадежно ли пытаться рассеять эти гигантские сгущения исторических стихий? — Мы говорим — вместо этого их надо организовать и творчески канализировать. Об этих грандиозных исторических энергиях, завлакивающих безграничные просторы нашей страны, свидетельствует тот мгновенный взрыв нового массового движения вокруг так называемой «пятилетки» и коллективизации, который иностранная печать справедливо отметила, как новый этап революции, в некоторых отношениях превосходящий все предыдущие. Вот этот величайший факт нашего текущего исторического момента и указывает путь, на котором можно и должно достигать преодоление большевизма. Этот путь — **Третья Революция**, переключение революционных энергий в новую высшую заключительную стадию — в Конструктивную стадию Революции.

Если весь XIX век прошел под знаком революций в Европе, то XX век, по всем видимостям, будет идти под знаком революций в России. Близкую к этому мысль высказывал уже К. Каутский.

Конечно, понятие революции надо брать в самом широком и общем смысле, а не в смысле борьбы за перемещение власти. Хорошо это, плохо?.. Но мы здесь говорим об **объективных** закономерностях исторического развития. — Мир вступил в грандиозную, страшную реконструктивную эпоху, средоточием которой, по всем видимостям, является Россия; и нужно или активно принять этот факт и творить заданную нам эпоху, или отойти в сторону, в общественное небытие и по крайней мере не мешать другим, уловившим настоящий ритм истории.

Но, как известно, каждый революционный этап всегда осуществляла какая либо общественно-экономическая группировка. — Мы утверждаем, что если в частности, наша первая революция была буржуазной, а вторая — рабочей, то грядущая третья, по характеру **основного ведущего класса** будет крестьянской революцией. В ней в качестве специфически классовой проблемы будет поставлена проблема уничтожения величайшего из неравенств — неравенства между городом и деревней.

Предлагаем теперь увязать эту мысль о ведущей роли крестьянства в новой третьей конструктивной стадии революции со ска-

занным в начале. В то время, как пролетариат мог явиться лишь могильщиком старого буржуазного мира, носителем лишь негативной стадии революции, — творцом нового мира, носителем его Конструктивной стадии в наших условиях может явиться лишь безбрежный резервуар того человеческого материала, который представляет собою крестьянство — подлинно самобытная, органически-русская часть России. Пролетариат и буржуазия — это коррелаты, сямские близнецы капиталистического мира; разница между ними не духовная, а только имущественная.

Мы таким образом, говорим не о подавлении, а о переключении революционных энергий.. Следовательно, предполагается некоторый приводной механизм, включенный в текущую негативную стадию революции. Иными словами, тут можно говорить, суживая вопрос, о социально-политической «ставке». На кого и на что в этой связи мы «ставим»?

Как уже видно из предыдущего, со стороны исторического субъекта процесса мы ставим ставку на крестьянство (особенно, на военизированное крестьянство — армию), со стороны же самого процесса мы ориентируемся на ту **социально-политическую перегруппировку внутри рабоче-крестьянской системы**, которая и должна закончиться переворотом, аналогичным бонапартизму во Французской Революции и знаменующим собой Третью и последнюю — Национальную Народную Революция, как конструктивно-стабилизационную стадию единой Российской Революции.

За конкретными чертами к характеристике этого процесса рабоче-крестьянской социально-политической перегруппировки мы отсылаем к предыдущей статье, дающей столь показательный в этом отношении материал. Главным здесь является происходящая морально-политическая дезорганизация пролетариата, в частности, в лице банкротства коммунистической партии, с одной стороны, и морально-политическая организация крестьянства — с другой. Коллективизация не только не «уничтожила» крестьянства, а наоборот, перелив его в новую форму (конечно, исторически временную), она **консолидировала его**, устранив ту дифференциацию (на кулаков, середняков и бедняков), противоречия которой парализовывали его политически. Мы лишь формулируем предельные политические моменты этого процесса перегруппировки: от рабоче-крестьянской власти (живой, искусственной и потому диктаториальной) с гегемонией пролетариата к **действительной Рабоче-Крестьянской власти с гегемонией крестьянства**. И если для первой при незначительном меньшинстве пролетариата была естественно необходимой диктатура, то для второй, при подавляющем большинстве крестьянства, естественной является демократия. И та, и другая формула власти является формулой **власти трудящихся**; разница в противоположности социально-политического соотношения. Перегруппировка, о которой идет речь, и должна перевернуть это соотношение, означая собой в пределе ничто иное, как переворот, революцию. Это так не только потому, что **диктатуры добровольно не уходят, а их свержают**, но и потому, что крестьянство, приходя с совершенно новыми историческими задачами, должно будет принести и новую идеологию, новый принцип политики и экономической жизни. Именно оно снимет историческую противоположность между «тезой» Первой России и «антитезой» Второй и осуществит **Синтез** Третьей России, утвердит Мир, поставит меч мощного бесспорного Арбитра между современной безысходной классовой борьбой. Именно оно в результате им осуществленной Третьей

Революция откроет эру подлинной Пореволуционности, эру Мира, Свободы и Стронительства новых высших форм жизни.

Таким образом, на этот раз мужик явится действительно исторически провиденциальной фигурой России, как о том повествует вся история нашего передового национального сознания. Трагедия современного мира и особенно России в том, что еще нет **третьего решения** и приходится выбирать одно из двух одинаково неприемлемых — коммунизм или капитализм. Миссия крестьянства в том и будет заключаться, что оно выдвинет третье решение, синтез, вмещающий и преодолевающий оба других. Наши искания и должны идти в направлении осуществления такого **третьего решения**.

Каковы непосредственные задачи из таких идеологических и тактических установок вытекающие? Задачи для работы «там» заключаются, прежде всего, в том, чтобы форсировать и без того стихийно происходящую рабоче-крестьянскую социально-политическую перегруппировку, облегчая и конкретно оформляя ее, идя для этого на все формы и методы приспособления, на все сделки и компромиссы, если нужно, на **тактическое** расчленение единого пути борьбы на несколько этапов и приемов, например, борьбы за «двухсоставную рабоче-крестьянскую партию». В тактической линии допустимы любые изломы, зигзаги и завороты — надо лишь не утрачивать единства идеологической линии. Ф. А. Степун по аналогичному поводу указывал на наш тактический минимализм, но тактика по самому существу своему минималистична, ибо максимально конкретна. Зато мы максималистичны в нашей революционной стратегии. И иначе быть не может: к революции надо идти через эволюцию.

А с другой стороны, чтобы исторические силы могли с минимумом отклонений перемещаться из одного социально-политического полюса к другому, надо чтобы в этом втором была соответственная система их аккумуляции и оформления. Иными словами, надо чтобы в нашем случае, крестьянство обрело свое идеологическое вооружение, осознало себя **политически**. В последнем главное. До сих пор крестьянство в России было лишь объектом политики. Когда оно осознает себя субъектом ее, вопрос о перемещении гегемонии в системе рабоче-крестьянской власти сведется к организационному вопросу. Марксистской социалистической идеологии пролетариата крестьянство должно противопоставить свою более высокую идеологию. Надо знать, что без соответственного арсенала идей, без идеологического вооружения и кадров политически квалифицированных руководителей самое исторически своевременное проявление активности крестьянства снова выльется в путачевищину, в разивовщищину, в бессмысленную непроизводительную растрату социальных сил. Эта вторая задача — создание соответственного идеологического вооружения для такой Третьей Национальной Народной Революции есть задача, главным образом эмиграции, значение которой вообще не столько организационно-политическое, сколько морально-политическое, я бы даже сказал, идейно-лабораторное.

Этим не только не умаляется роль эмиграции, но наоборот, увеличивается. Если бы эмиграция была на уровне своих возможностей, она могла бы явиться поставщиком идеологического вооружения для всех будущих участков политической борьбы Новой России. Характерным для этого является то, что мы там несомненно лучше думаем о ней, чем она о себе. Достаточно указать на пример Милюкова: его более чем относительный удельный вес здесь (правда, эмиграция на три четверти — правая) и оценка его там, в частности в

коммунистической верхушке и особенно в свое время самим **Лениным**. Также относительно Керенского, прежде Врангеля.

В связи с вышесказанным, мы ждем, что квази-реалисты в политике нам скажут, что идеология, которую мы создаем, слишком высока и сложна, чтобы ее «поняло» крестьянство. Но точно также рабочим массам, как таковым, недоступен марксизм с его философией и исторической, социологией и политической экономией в построении Маркса — Энгельса, вокруг одного истолкования которого спорят сами профессора и целые школы. Мы оставим в стороне тот, здесь не совсем уместный, довод, что христианство, буддизм и все великие движения вообще выходили из самых низов народа, а не из академий и университетов. Душу движения всегда составляет тот или иной круг интеллигенции, по преимуществу интеллигенции из данного класса. Но эту то душу движения нельзя сформировать и оживотворить какой-нибудь идеологической мертвечиной или наспех изготовленным идеологическим рагу. Мы поэтому, создавая соответствующую идеологию, стоящую на уровне исторических запросов и нужд, должны стремиться, прежде всего, к завоеванию нашей многочисленной теперешней крестьянской интеллигенции, а уже через нее мы овладеем и социальным телом класса, массами. Массы во всяком движении вообще играют лишь роль пассивного социального тела, социально-психологической среды, периферии. И к ним обращаются не с теориями данной новой идеологии, предназначенной лишь для штаба движения, а с простыми, понятными, короткими лозунгами, из этой идеологии вытекающими.

В соответствии со сказанным должны различаться и установки в работе «здесь» и «там». Если мы здесь должны блюсти линию дальнего прицела, линию идеологическую, то у них «там» должна преобладать линия тактическая. Мы здесь должны жить по преимуществу — в программе-максимум, они «там» по преимуществу — в программе-минимум. Ставя ставку на рабоче-крестьянскую социально-политическую перегруппировку, там должно иметь в виду одно кардинальное обстоятельство: современная советская действительность сплошь текуча, диалектична, процессуальна. Благодаря этому, задачи и методы борьбы с большевистской властью там могут и должны быть радикально отличными от борьбы, скажем, с самодержавием. Ибо тогда как там, все было в выкристаллизованной, цельной, застывшей статике, здесь все пребывает в неопределенной, диалектической, бесформенной динамике. Динамика, диалектический процесс, в конце концов и есть исторически главный «внутренний враг» большевизма. И вот с ним то и надо быть в постоянном контакте, если нельзя им овладеть. В то же время, именно этот характер советской действительности обуславливает собой широкие возможности маневрирования, благодаря которому власть в большинстве случаев только и могла выходить из своих текущих затруднений. И только теперь, благодаря тупому, наивно-прямолинейному руководству Сталина, благодаря блеффу пятилетки и особенно авантюре коллективизации, свелась на нет вся столь расширенная благодаря Нэпу социально-экономическая территория такого маневрирования. Ведь Ленин для того и прибег к системе Нэпа, чтобы приобрести такую достаточно-обширную социально-экономическую территорию для длительного маневрирования. В результате, если теперь возможны существенные изменения, вынужденные безвыходными затруднениями, то они могут быть только **политическими**. Это и надо иметь в виду с точки зрения целей рабоче-крестьянской перегру-

пировки, ибо, как и всегда, они и теперь будут прежде всего ориентированы на крестьянстве.

Такова необходимая геометрическая линия развития революционных событий, линия их естественной, имманентной закономерности. Она ведет от Второй к Третьей России, от Негативной к Конструктивной стадии революции. И от рабочего лжемессианизма к подлинному крестьянскому пародническому мессианизму. Но от геометрической линии развития может далеко отклониться конкретная арифметическая линия, благодаря возмущающему воздействию извне входящих, следовательно, «случайных» факторов. От Великой Французской Революции к Третьей Французской Республике ведет прямая геометрическая линия. Но конкретная арифметическая прошла через целый ряд изломов, зигзагов и заворотов. Резкое отклонение нашей геометрической линии, обусловленное международными входящими воздействиями, мы и имели в виду, когда в первом номере «Третьей России» говорили, что нам принадлежит не последовательное «завтра», а историческое «послезавтра». Мы допускали возможность передышки, перерыва в революционном процессе (передышки в несколько месяцев: вспомним как скоро при энтузиазме всей страны Наполеон беспрепятственно вновь вернулся к власти после первой реставрации), передышки, которая была бы крайне желательна с точки зрения исторической эффективности заключительного Конструктивного этапа революции, этой подлинной Переволучионности, если революцию понимать только в негативном смысле. Но этот год с особенной ясностью показал, что нет во зде России сил, которые были бы в состоянии и хотели бы вмешаться в имманентный ход ее событий. **Скорее нужно ждать обратного.** Не до России теперь, когда потерявший окончательно голову мир, катастрофически быстро катится к чему то, быть может, более ужасному, чем то, что произошло в России. Надо оставить эти, пусть и естественные, иллюзии, основанные на том, что Россия только составная часть мирового целого. Ибо само это «целое» поставлено под вопрос. Надо ставить ставку на внутренние имманентные революционные процессы. А эти последние необходимо ведут через стихийную рабоче-крестьянскую социально-политическую перегруппировку к Третьей Национальной Народной Революции, к Третьей России.

За недостатком места формулируем в виде тезисобразных положений дополнительные соображения ко всему высказанному:

1. Если основательно, столь распространенное в эмиграции и России ожидание так называемого «бонапартизма», то следует не забывать, что и во Франции бонапартизм был реализован армией, а армия была крестьянской.
2. «Бонапартизм» — не лицо, не личная политическая карьера, а исторический этап, закономерная стабилизационно-конструктивная стадия революции, **случайно** возглавленная генералом Бонапартом.
3. Переворот у нас в результате войны тем более был бы крестьянским («бонапартистским»), что в нем еще большая активная роль принадлежала бы военнизированному крестьянству — армии.
4. Крестьянство сможет явиться подлинной исторической силой, подобной буржуазии и пролетариату, если оно, помимо социально-организационной силы, станет также силой **моральной**, вооруженное соответственной творческой идеологией. Такой моральной силой оно не являлось в ижевшихся до сих пор попытках его организации. Отсюда их безрезультатность и историческая бесследность.

5. Крестьянство государственно, пролетариат—анархичен. Крестьянство националистично, пролетариат—интернационалистичен. Первое—идеалистично, второй — материалистичен.

6. Все государства были классовыми (или сословными) — дворянскими, буржуазными, рабочими, поскольку интересы господствующего класса совпадали с интересами целого. В наших современных условиях наиболее приближаются к общим интересам классовые интересы крестьянства.

7. В порядке углубления и завершения единого современного мирового переворота можно сопоставлять: если буржуазная революция была политической, а пролетарская — политической и социальной, то крестьянская будет политической, социальной и духовной.

П. Баранецкий.

РУССКИЙ МЕССИАНИЗМ И СЛАВЯНСТВО

Мессиянские идеи славянофильской ориентации в истории русской общественной мысли имеют весьма давнее происхождение; но корнем своим имеют не первичную народную стихию, а вторичную стихию культурной среды. Так, например, идея «Третьего Рима» является в результате созерцания соответственных культурно-исторических концепций, а само славянофильство до сих пор было, главным образом, интеллигентским идеалистическим течением. Правда, и в народной стихии через былинные песни, народные сказания, апокрифы и поговорки можно подслушать подобные мессиянские гулы, но перевести их на язык мысли пока еще никому не удалось. Возможно, что отсутствие народных корней и было причиной того, что славянофильство, обычно связываемое с именами Ив. Киреевского, К. Аксакова и др., было мало популярно в нашей общественности, и удельный вес его влияния сравнительно не велик.

Однако, славянская идея существует. Более того, в настоящий исторический момент она заслуживает, если не исключительного, то повышенного к себе внимания; и это диктуется не какими либо славянофильскими теориями, а той политической обстановкой, которая сложилась за последнее десятилетие.

Прежде всего следует отметить и должным образом оценить тот новый исторический факт, что мы уже не видим ни одного славянского народа под иноземным владычеством. Русская революция так притупила наши чувства и мысль, что мы, повидимому, не способны достойным образом оценить этот, исключительной важности, факт — освобождение славянства, о чем мечтали и за что боролись столь многие славянские патриоты целого ряда поколений. Но друзьям славянства также не следует